

Сверхчеловек: Достоевский, Ницше, Хайдеггер

Великая идея сверхчеловечества, словно солнечный луч, троекратно отразилась в творчестве этих мыслителей. По существу мы имеем дело с уникальным в истории мировой мысли случаем, когда усилиями Достоевского, Ницше и Хайдеггера изображается и промышляется идея сверхчеловека во всем своем блеске и богатстве. В противовес Ставрогину и Ивану Карамазову Достоевский создает совершенно положительного героя Алешу Карамазова, подлинного героя трагедии. В его образе русский писатель сущностно изображает сверхчеловека: «Что-то было в нем, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он все допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, в этом смысле он до того дошел, что его никто не мог ни удивить, ни испугать, и это даже в самой ранней своей молодости» (XIV, 18¹). Отец Алеши, развратный и лживый Федор Павлович Карамазов, поначалу встретивший его недоверчиво, кончил тем, что искренне и глубоко полюбил его. И даже: «Между сверстниками он никогда не хотел выставляться. Может, по этому самому он никогда и никого не боялся, а между тем мальчишки тотчас поняли, что он вовсе не гордится своим бесстрашием, а смотрит как будто и не понимает, что он смел и бесстрашен. Обиды никогда не помнил. (Курсив наш. – В.М.) Случалось, что через час после обиды он отвечал обидчику или сам с ним заговаривал с таким доверчивым и ясным видом, как будто ничего и не было между ними вовсе. И не то чтоб он при этом имел вид, что случайно забыл или намеренно простил обиду, а просто не считал ее за обиду, и это решительно пленяло и покоряло детей» (XIV, 19). Нам демонстрируется человек с совершенно здоровой и могучей волей:

«Алеша уверен был, что его и на всем белом свете никто и никогда обидеть не захочет, даже не только не захочет, но и не может» (XIV, 93). Какой вопиющий контраст со всеми прочими героями Достоевского, полными ресентимента, то есть затаенной обиды, духа мстительности.

Мережковский, сравнивая Ницше с Алешей Карамазовым, писал: «У Ницше была такая же неодолимая, иступленная стыдливость и целомудренность, как у Алеши»².

Несомненно, Мартин Хайдеггер, который был увлечен Достоевским, вышел на понимание сверхчеловеческого именно благодаря великому русскому писателю. В специальной работе «Кто такой Заратустра у Ницше?» Хайдеггер пишет: «Именно «сверхчеловек» Ницше как раз называет не просто человека, превышающего обычную, до сих пор существовавшую меру. Он подразумевает также не некий человеческий вид, который отбрасывает гуманность, возводит в закон голый произвол и берет за правило титаническое неистовство. Сверхчеловек... есть скорее тот, кто превосходит прежнего человека единственно для того, чтобы прежде всего привести донныне существующего человека к его еще не осуществленной сущности и прочно установить его в ней»³.

Хайдеггер далее вопрошает: «Откуда же исходит призыв о сверхчеловеке? От чего больше не удовлетворяет прежний человек? Потому что Ницше уловил исторический момент, когда человек вознамерился приступить к господству над всей Землей. Ницше – первый мыслитель, который, принимая во внимание впервые восходящую мировую историю, ставит решающий вопрос и продумывает его во всей метафизической важности. Вопрос гласит: подготовлен ли человек как человек в своей прежней сущности к тому, чтобы взять на себя господство над Землей?» Хайдеггер пишет: «... Чтобы спасти Землю как Землю, должен прежде всего исчезнуть дух мщения. Поэтому для Заратустры избавление от мести есть мост к высшей надежде». По существу Ницше первый ставит в специфических терминах своей философии вопрос о глобализации, превращающей мир в единое целое. Конечно, для такого принципиально иного мира необходим качественно иной человек. Почему же только сверхчеловек способен осуществить глобализацию и установить планетарный контроль? Какими сущностными свойствами он должен обладать? Иначе говоря, что радикально отличает сверхчеловека от человека? Ответ Хайдеггера, который он вычитывает у Ницше, потрясает. Он, по сути, взрывает наше обыденное представление о Ницше: «... В отрывке “О тарантулах” Ницше предоставляет Заратустре сказать: “Ибо, да будет человек избавлен от мести – вот для меня мост, ведущий к высшей надежде, и радужное небо после долгих гроз”». Хайдеггер с пафосом восклицает: «Сколь странно и поразительно для расхожего мнения, которое придумали себе люди о философии Ницше. Значит, Ницше – не подстрекатель к воле к власти, к политике силы и войне, к неистовству “белокурой бестии”?»

Но прервем на мгновение рассуждения Хайдеггера, и да будет позволено нам поправить крупнейшего философа XX в. Дело в том, что у Ницше самым естественным образом сочетаются обе мыслительные позиции. Могучая воля, способная

преодолеть любые препятствия, является в то же время основанием и большой политики, и тяги к господству, но главное – именно эта воля реализует прорыв на сверхчеловеческий уровень.

В главе «Об избавлении» Ницше связывает дух мщения со всем до сих пор существующим мышлением людей: «“Дух мщения: друзья мои, он был до сих пор лучшей мыслью людей; и где было страдание, там всегда должно было быть наказание”. Этим положением месть сразу же отнесена ко всему до сих пор существовавшему мышлению людей». В сущности «Это представление (*Vor-stellen*) и есть мышление». По Ницше, старое человеческое мышление до сих пор определено духом мщения. «Люди считают свое, определенное таким образом отношение к тому, что есть, наилучшим... Если Ницше понимает месть как дух, который настраивает и определяет отношение человека к сущему, то он с самого начала мыслит мщение метафизически». Иными словами, дух мщения есть ярчайшее проявление метафизики. Чтобы преодолеть дух мщения, стало быть, надо преодолеть метафизику, которая составляет сущностную особенность мышления последних 25 веков – от Сократа, Платона и Аристотеля. Ницше ставит грандиозную задачу преодоления мести (что, кстати, есть сверхцель всех религий и общественных институций от государства до морали), но при этом он остается мыслителем большой политики, взвинченной воли к власти и пророком мировых войн. По Ницше, именно мировая война глобализирует мир, делает его единым целым (что, кстати, соответствует концепции современных альтерглобалистов⁴). По крайней мере, мир и человек должны пройти через эту фазу: мир – к глобализации, а человек – к сверхчеловеку. Только так можно установить господство над Землей. Но вернемся к мысли Хайдеггера: «Слова “да будет человек избавлен от мести” в тексте даже напечатаны в разрядку. Ницше думает об избавлении от духа мести... Пространство этой свободы от мести... лежит за пределами немого смирения с ходом вещей и самоускользания в жертву, как и вне действия вслепую и поступка любой ценой.

Духу свободы от мести принадлежит так называемое вольнодумство Ницше. “Да будет человек избавлен от мести”. – Если мы хотя бы лишь в приближении примем во внимание этот дух свободы как основную черту в мышлении Ницше, тогда сам по себе должен разрушиться прежний и все еще расхожий образ Ницше». Но все дело в том, что расхожий образ Ницше не разрушается. Стихии дионисийства имманентно присуща мстительность. Ницше, по сути, разом касается двух предельно разведенных крайностей и заполняет пространство между ними. Что доказала история нацистской Германии и тоталитарного сталинизма в Советском Союзе.

¹ Цит. по: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., 1972–1990.

² *Мережковский Д. Л.* Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 26.

³ Здесь и далее цит. по: *Хайдеггер М.* Кто такой Заратустра у Ницше? // *Топос* (Минск). 2000. № 1. С. 52, 55, 56.

⁴ См.: *Хард М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 13–87.